

УДК 304.5

**РОССИЙСКОЕ МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
МЕНТАЛИТЕТА***В.Н. Гаврилов, Ф.Ф. Серебряков***Аннотация**

В статье рассматриваются особенности российского («народного») правового и политического сознания, исторически сформировавшиеся как результат евразийской природы России. Обосновывается, что они в значительной степени деформируются в процессе современной капиталистической истории России, но всё ещё могут рассматриваться как факторы, дающие основание говорить о возможности реализации иной цивилизационной модели развития, отличной от западной.

Ключевые слова: правовое сознание, политическое сознание, евразийство, цивилизационная модель развития, менталитет.

Можно ли всё ещё всерьёз говорить об «особенном русском (российском) пути» исторического развития¹, учитывая то обстоятельство, что нет единого «цивилизованного пути» развития, а есть пути разных цивилизаций или, что то же самое, разные пути цивилизации?

Существенное значение при обсуждении этого вопроса имеет адекватное представление об особенностях российского общественного сознания, политического и правового, и прежде всего о российских культурных и ментальных установках, которые сформировались в ходе длительного развития в рамках полиэтничного и многоконфессионального, но единого исторического пространства и имели вполне определённые черты вплоть до начала активного процесса вестернизации общества в результате смены общественно-исторической формации.

Почему это так важно? Потому что эти особенности являются факторами, в значительной мере влияющими на направленность развития или опосредствующими его. И, таким образом, они выступают факторами, которые в контексте рассматриваемой нами проблемы либо способствуют «цивилизованному развитию» («как весь мир»), либо препятствуют ему, по крайней мере составляют проблему для такого развития. В последнем случае, вероятно, можно говорить о предпосылках (возможностях) иной модели цивилизованного развития («пути России»), помня о том, – подчеркнём ещё раз – что существуют разные пути цивилизации. В любом случае это необходимо принимать в расчёт при «планировании» модернизации.

---

¹ Ещё К. Маркс допускал возможность такого пути в известном письме в редакцию «Отечественных записок».

На наш взгляд, чем более Россия движется по пути вестернизации, по пути «цивилизованного» развития, прежде всего в социально-экономическом отношении, тем более возможности реализовать «свой» путь для неё утрачиваются. Но не в силу того, что она «наконец-то становится нормальной цивилизованной демократической страной западного образца», «наконец-то образумившейся и не ищущей каких-то особых путей в стороне от столбовой дороги общечеловеческого развития». Причина в ином.

В основе развития России (и Советского Союза также) на протяжении не одного века лежала некая смесь «французского с нижегородским»², которая и далее могла быть стержнем иной цивилизационной модели. Именно эта «нечистота» общественного устройства, эта «гримаса» российской истории и не позволяет России стать «как все», то есть «нормальной цивилизованной страной», по убеждению многих идеологов «новой России», которые её иначе как либерально-капиталистической, откровенно олигархической и представить себе не могут. И социально-экономические реформы призваны были, по замыслу этих идеологов и реформаторов, привести к изживанию «нижегородского» и торжеству «французского» (то есть западного, «цивилизованного»).

Но в действительности современное капиталистическое развитие не достигло ни того, ни другого, а только сделало «французское» «уродливо французским». В то же время во всём: в экономике, в хозяйственных отношениях, в политике, в быту, в том, что называется «правами человека и гражданина», в отношениях граждан между собой и в отношениях власти и населения, в повадках «элиты», — по-прежнему торчит рыльце «нижегородского». И в таком итоге реформ равно «виноваты» как верхи (политические и хозяйствующие субъекты), так и низы — основная масса населения.

Заинтересованность первых (при всём их стремлении к «европейским стандартам» жизни) в сохранении не европейских, а «нижегородских», исконно отеческих «стандартов» в отношениях властных структур и населения, равно как и тяготение при малейшей возможности (с полным забвением дома «западных порядков», так их умиляющих всякий раз, когда они оказываются за границей) к самым диким, часто феодальным, а то и рабовладельческим, эксплуататорским формам в отношениях труда и капитала, очевидна и в обнажении не нуждается. Но и низы, в подавляющем большинстве своём ругающие доморощенные «стандарты», очень часто заявляющие, что «нормально в этой стране не может быть», и считающие «нормальными», не унижающими человеческое достоинство, «западные стандарты», воспринимают их только как права, но отнюдь не как обязанности, что соответствует принципу прежних, ещё советских, времён: «работать как у нас, а жить и получать как у них». Но при этом и низы вовсе не намерены отказываться от всех тех выгод, которые в личной и публичной жизни, социальной коммуникации, в быту и прочем дают эти «ненормальные» порядки и представления.

Однако речь сейчас идёт не о действительном или мнимом достоинстве «дыма отечества», не о имеющихся преимуществах или явных изъянах и не об анахронизме экзистенциальных начал, порождённых евразийской природой

---

² Будем иметь в виду под этим евразийскую «закваску» исторической России.

исторической России, а только пока о том, что эти начала весьма живучи. Перефразируя русского классика, можно сказать, что внутри даже самого прозападного российского либерала сидит «заурядный» евразиец, а то и просто «азиат». Особенно явным это становится в ситуациях, когда уже не до «европейских приличий» или маскарадов (вспомним, скажем, истеричные призывы типа «Раздавите гадину!», которые в период октябрьских событий 1993 года вылетали из глоток некоторых тогдашних «властителей дум» «демократической интеллигенции», способной так вдохновенно рассуждать о «слезе ребёнка», когда ей комфортно и сытно).

Но «нижегородское» (то есть «своё», традиционно-отеческое), которое пытаются полностью заменить «французским», даёт о себе знать не только указанным выше образом. Явное третирование «нижегородского» приводит к концентрации его в маргинальных областях, порождая черносотенные образования, а также к негативным явлениям в массовом сознании, например, к возникновению чувства униженности, ущербности, второсортности, обкраденности.

Во всех случаях, однако, размываются преимущества иного цивилизационного развития и возможности для его осуществления, которые заключены в экзистенциальных началах русско-российской и советской истории. Заявляя это, мы исходим из того, что развитие возможно как заимствование и модернизация, но оно невозможно как уподобление и подражание. Тем более в ситуации, когда современная Россия, по сравнению с Западом, имеет гораздо более высокую человеческую, социальную цивилизацию в форме советской цивилизации. Поэтому в общественном отношении «идти к Западу» – во многом идти назад и вниз.

Евразийской ментальностью «среднего россиянина», как правило, объясняются и трудности движения к «нормальному обществу», и «незападные» результаты «прозападных» реформ. В последнем случае мы имеем в виду то обстоятельство, что со времён Петра Великого все реформаторские начинания по преобразованию общественных институтов, вкусов, нравов, проводимые по «европейскому», «западному» образцу, либо терпели крах, либо – чаще всего – приобретали своеобразную конечную форму, неожиданную для самих реформаторов и далёкую от их первоначальных задумок.

Тем не менее весьма заметный «прогресс», если иметь в виду массовое сознание, представления и ценности, в этом «походе на Запад» очевиден, хотя сломать окончательно архетипы «старого» сознания не получилось. Поэтому проводимые в последние десятилетия реформы в некоторых отношениях удались, если только их цель состояла исключительно в достижении того, «чтобы было, как там». И это не может не повлиять, причём существенно, на оценки и выводы относительно особенностей современного российского массового сознания в сравнении с сознанием 80-х и даже 90-х годов прошлого века. Речь, несомненно, идёт о том, что вместе с активным вхождением в «рынок» и формированием общественных отношений на его принципах, а значит, под тотальным влиянием его целей, ценностей и принципов на личную и публичную жизнь, изменяется и то, что инициатор создания Римского клуба Аурелио Печчеи называл человеческими качествами, от чего, по его убеждению, зависит судьба человечества.

В условиях современной России человеческие качества, составлявшие позитивные и отличные от европейских русско-российские и советские экзистенци-

альные начала³, изменяются с пугающей интенсивностью. И изменяются они в «западном» направлении, точнее, в буржуазно-рыночном.

Вот что писал А. Печчеи об этих «западных» человеческих качествах, которые и будут (уже становятся) одним из неизбежных и органичных результатов вхождения России в «мировую экономику» и «цивилизованный мир»: «Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу. <...> При всей той важной роли, какую играют в жизни современного общества вопросы его социальной организации... при всей мощи созданной человеком техники не они в конечном счёте определяют судьбу человечества. И нет, и не будет ему спасения, пока люди не изменят своих привычек, нравов и поведения. <...> Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа... то и её решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого. <...> Лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей ориентированной на материальные ценности цивилизации. <...> Современная цивилизация... не освободила человека от той алчности, которая совершенно несовместима с открывшимися перед ним огромными возможностями. ...Эгоизм и узость мышления продолжали довлеть над ним, заставляя... извлекать материальные выгоды практически из всех тех разительных изменений, которые он сам вносил в свою жизнь. Так человек постепенно превращался в гротескного, одномерного Homo economicus. <...> Уподобившись Гаргантюа, он развил в себе ненасытный аппетит к потреблению и обладанию, производя всё больше и больше, вовлекая себя в порочный круг роста, которому не видно конца» [1, с. 11, 14, 17, 37].

В замечательно точном описании А. Печчеи спорным, а для нас неприемлемым является то, что автор как при обсуждении человеческих качеств, которые необходимо преодолеть, так и при полагании качеств, необходимых для спасения цивилизации, считает возможным отвлекаться от «вопросов социальной организации, её институтов» («при всей важной роли не они... определяют судьбу человечества»), хотя из текста очевидно, каким именно социальным «институтам» мы обязаны человеческим качествам, угрожающим, по мнению Печчеи, судьбе человечества.

Для всякого погружённого в современную российскую жизнь изменения, произошедшие в общественном сознании, в ментальных и культурных установках, очевидны, так же как и утраты, которые суживают возможности «особого пути». А между тем многие рассуждения и «убеждения» об этом пути строятся как раз при совершенном игнорировании этих утрат, так, будто ничего не изменилось, хотя изменения касаются глубинных человеческих качеств. Но именно на наличии этих (незападных) человеческих качеств и зиждутся все «убеждения» об «особом пути». Но в действительности последние питаются мифами и иллюзиями. И наиболее распространённые из них: миф об особой духовности и

---

³ Здесь мы не затрагиваем вопроса об их историческом формировании, поскольку это отдельная тема. Заметим только, что они не результат таинственной особенности или богоизбранности народа, а всецело итог его исторического развития, разных уникальных факторов, в том числе и опосредованного влияния гигантской территории, на которой разворачивалось это «евразийское действие» сцепления и переплетения культур, языков, нравов, религий, образов мира, хотя этот фактор имел не только позитивные последствия.

неприятии общества потребления, о почти что врожденном чувстве солидарности и коллективизма, «родовой защищенности» от эгоизма и индивидуализма, предпочтении духовного материальному, неприятии накопительства в ущерб «человеческому», наконец, миф об особой отзывчивости, «всечеловечности» и др.

Эти качества когда-то не были мифами. Но можно предположить, что они, порожденные особыми условиями российской истории, сохранялись сначала в силу отсталости дореволюционной России, её для подавляющей массы населения солидаристского, общинного характера, со-жалости, со-чувствия в условиях солидарной же незажиточности, которая компенсировалась «жизнью в духе», а после благодаря особому укладу советской жизни, где эти качества были публичным кредо системы, составляли публичное содержание политики в разных областях, декларировались, но и во многом культивировались строем общественных отношений и даже посредством правовых установлений, если отвлечься от лицемерия немалой части поздней советской элиты. Однако появление иных условий жизни, дававших простор иным чувствам, отношениям и ценностям, изменение объективного социального и мировоззренческого кредо системы приводят к угрожающему изменению названных выше человеческих качеств в направлении противоположных качеств или по крайней мере «не таких».

Однако при всей деформации человеческих качеств архетипы общественного, «народного» сознания, формировавшиеся несравненно дольше, чем насчитывает современная российская история, обладающая мощными средствами разрушения этих архетипов, сохраняют свои контуры. И проблема, которая подлежит теоретическому осмыслению с прицелом на то, «как нам обустроить Россию», заключается, по нашему мнению, в том, чтобы не игнорировать их, а исходить из позитивного и плодотворного в них, причём так, чтобы не получилось «уродливо французского» или маргинального «нижегородского».

Излагая далее наши представления об особенностях массового российского правового и политического сознания, закрепившихся как архетипы, мы исходим из того, что они суть следствия евразийской природы исторической России и советской системы, а соответственно, находятся в контексте евразийского менталитета. Под ментальностью здесь имеются в виду «социально-психологические установки и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной культурной общности... [которые проявляются] в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли» [2, с. 85].

Отождествление закона и справедливости, права и правды – стержень, определяющий содержание политико-правового сознания «среднего россиянина»⁴ и опосредствующий для него всю проблематику этого сознания. Вот почему чисто юридическая аргументация не является для такого сознания безусловной, оно ещё слабо восприимчиво к ней, если та не имеет социально-этической убедительности. Поэтому же оно мирится, во всяком случае, воспринимает не столь болезненно-протестующе, как «чисто западное» сознание, нарушение юридических прав, если это нарушение имеет своей основой или даже формой «восстановление справедливости». Вполне объяснимо, что оно менее внимательно к содержанию законотворчества, чем, скажем, к проблеме «привилегий»,

---

⁴ Возможно, это не специфически российское, но обязательно российское явление ментальности.

и отношение к этой проблеме со стороны законодателей или вообще власть предержащих является критерием отношения к последним россиянина, который и самую справедливость склонен воспринимать скорее в социально-уравнительном смысле, чем в правовом. Как следствие, имеют все шансы на успех у населения лозунги вроде «Нет депутатской неприкосновенности!», сколь бы демагогичными они ни были.

Российское отношение к политике всегда эмоциональное, сиюминутное, искреннее, насколько искренним является на данный момент собственное душевно-эмоциональное состояние россиянина. Для политика, понимающего это, сказанное означает, что ему вовсе не обязательно иметь политическую стратегию, достаточно иметь только тактику, учитывающую это российское отношение (всё равно «умом Россию не понять»). А политическую стратегию в такой ситуации политику иметь даже нежелательно, так как её реализация предполагает принципиальность и настойчивость в достижении цели, а это таит в себе возможность стать непопулярным в глазах «среднего россиянина», если эта стратегия включает в себя, по необходимости, непопулярные же социальные меры.

Общество с его институтами, политика, общественная деятельность никогда не воспринимались российским сознанием в их абстрактных формах, а только в персонифицированных. Причём эти персоны, например носители власти, воспринимались даже не символически, как представители, заместители чего-то другого, отличного от них, а вербально-мифологически: они и есть власть, другое имя власти. Подобно этому и икона для православного россиянина была всегда чем-то большим, чем просто образом иного – такое абстрактное отношение к богу для него, возвращенного в общинных, непосредственно-осязаемых, коллективистски-патриархальных отношениях, было невозможным. Отношение к иконе почти языческое, интимно-непосредственное, почтительно-культурное, домашне-доверительное, семейное. И почтение, и спрос – отсюда: «годится – молиться, не годится – горшки накрывать», потому что икона и есть тот непосредственно-зримый бог, который и ответственен за разочарование.

Общественные отношения для российского сознания есть в первую очередь личностные отношения, они всегда замыкаются на личности. Поэтому и отношение россиянина к общественным проблемам определяется степенью его доверительного отношения к той или иной личности, которая и воплощает для него саму проблему или идею. Культ личности для него есть способ восприятия и принятия идеи или общественного дела. Поэтому и микроскопические партии могут иметь успех, так как в России партия и есть личность.

Не право, не закон и не система являются гарантами прав и свобод для россиянина, не они обеспечивают целостность и порядок, не они воплощают данный строй жизни, а личность: князь, царь, начальник, лидер, вождь. Они же – неустроенность, беспорядок, произвол, неудачи. Этим и объясняется, почему в российском массовом («народном») сознании отношение к историческому процессу всегда было волюнтаристским: удачи и неудачи имели причиной злую или добрую волю личности. Политика для россиянина также есть не искусство возможного, а ожидание чуда, свершения. Отсюда – бесконечное, попирающее здравый смысл и собственный опыт, доверие к слову, к обещаниям.

В рамках такого сознания весьма вольное, на грани произвола, обращение с законом, с правом отдельной личности не такой уж большой грех, если речь идёт о «правом деле», о «справедливости», о «воле народа», так как «правое дело» здесь – не от «права», а от «правды». Закон абстрактен, крючкотворен; россиянин и в частной жизни не воспринимает его всерьёз, если есть такая возможность, так как закон далёк от «правды жизни». Поэтому он и в государственной жизни «во имя справедливости» готов понять, во всяком случае, его игнорирование. Демократия для него – не процедура, а «чтоб по справедливости». Наверное, потому и революционные, крутые изменения в его понимании отнюдь не противоречат демократии.

Личность харизматическая также оценивается сознанием «среднего россиянина» в терминах воздаяния. Вера, преданность, самопожертвование, терпение до полного самоотречения («народ безмолвствует»), которые он, россиянин, предлагает этой личности, оборачиваются в случае предательства последней его надежд или разочарования безжалостным «Распни его!». Такое сознание мыслит только контрастными понятиями. И в этом его понимание справедливости.

Изложенные наблюдения исходят из предположения, что обозначенные особенности российского политико-правового сознания коренятся в неких архетипах российской ментальности, обусловленных евразийской «закваской» российской истории. Эти особенности могут рассматриваться как существенные признаки «русской идеи», «русского пути» независимо от того, как к ним относиться.

Summary

V.N. Gavrilov, F.F. Serebryakov. Russian Mass Political and Legal Consciousness in the Context of the Eurasian Mentality.

This article deals with some peculiarities of Russian (“national”) legal and political consciousness historically developed as a result of the Eurasian nature of Russia. It is proved that they have considerably changed in the process of modern capitalist history of Russia, but can still be regarded as factors demonstrating the possibility of an alternative civilizational model of development, other than the Western one.

Keywords: legal consciousness, political consciousness, Eurasianism, civilizational model of development, mentality.

Литература

1. *Печчеи А.* Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
2. *Гуревич А.Я.* Проблемы ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 75–89.

Поступила в редакцию
31.10.12

Гаврилов Виктор Николаевич – доцент кафедры истории и теории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Серебряков Фаниль Фагимович – доцент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: fanserebr@yandex.ru